

ВИКТОРИЯ ЧИКАРНЕЕВА

УЛЫБАЙСЯ!

РАССКАЗ

— Привет, я — клоун! Я сделаю твою жизнь счастливой! Улыбайся! Улыбайся! Или... — Он достает из кармана огромную битую! И замахивается.

Как битая оказалась в его кармане? На то он и клоун! В общем, я испуганно оглядываюсь. Вокруг — никого. К счастью, это плод моего большого воображения.

— У-у-у-ф! — выдыхаю.

Мне 20. С деньгами туго до безумия. Я оформила себе социальную стипендию. Решила идти на постоянную работу. Несмотря на то, что я уже четверокурсница, работать устроиться сложно. Сказывается отсутствие знакомств и опыта работы. Решилась идти в “Макдональдс”. Яркая реклама и счастливые лица членов бригады ресторана на листовках сделали свое дело.

Я стала одной из тех, кто продает чизбургеры и биг-маки, кто жарит картофель фри и моет туалеты. Теперь ценю свое время и получаю зарплату. У меня ужасно болят ноги, а на коже — ожоги от кипящего жира. Над моей рукой случайно встряхнули корзину с картошкой. Я каждый рабочий день съедаю биг-мак, детскую картошку фри и выпиваю пол-литра кока-колы. Или другого напитка, на выбор. Можно даже выбрать зеленый или черный чай, только молочный коктейль или апельсиновый сок нельзя, они стоят дороже. А еще к картошке мне положено одно нажатие кетчупа. Это значит, что ты берешь огромную штуку, в виде шприца, с пятью отверстиями, дела-

---

ЧИКАРНЕЕВА Виктория Александровна родилась в 1987 году в слободе Родионово-Несветайское Ростовской области. Окончила факультет социологии и политологии Ростовского госуниверситета. В настоящее время учится в Москве, на Высших литературных курсах при Литературном институте им. А. М. Горького (семинар прозы А. Воронцова). В журнале “Наш современник” печатается впервые.

есть одно фиксированное нажатие на салфетку или на крышку от стакана и можно обмазывать кетчупом картошку.

Обжираться этой едой из Макдональдса.

Меню менеджеров отличается от меню обычного работника. Они могут заказывать себе биг-тейсти и картофель по-деревенски, апельсиновый сок и мороженое с карамелью. На обед отводится фиксированных полчаса, ни минутой больше.

Мы сидим в комнате отдыха и едим обед. Потому что “Макдональдс” любит своих сотрудников. У меня растет живот и появляется второй подбородок, хотя на работе я бегаю как угорелая. У меня расширяется и без того отсутствующая талия и появляется целлюлит на бедрах и ягодицах. Но я ем обеды от “Макдональдс” по четыре раза в неделю. Не отказываться же от дешевых обедов. Еда почти на халяву.

В комнате отдыха стоит телевизор и огромный аквариум. Рыбки тоже едят продукты из “Макдональдс”. Замороженные огурцы и помидоры, зеленые листья салата и даже котлеты от гамбургеров. Рыбки вымахали до размеров порядочной щуки. И мне кажется, что через пару месяцев они вдруг превратятся в маленьких пираний или акул, а из их пастей будет торчать котлета из гамбургера.

На перерыве можно посмотреть свое расписание. Оно выкладывается в журналы и расписания. Находишь свой порядковый номер и смотришь, что тебе предстоит делать на следующей неделе. Это или уборка, или картошка, или касса. Всё зависит от того, на сколько позиций тебя обучали и на каких позициях ты лучше всего себя показываешь. У меня дни работы ставили всегда отменно отвратительные. Обычно выпадали выходные дни, вечер. За все мое время работы я отдыхала всего два воскресенья. Выписываешь себе расписание на салфетку, засовываешь салфетку в карман, понимая, что еще один субботний вечер ты проведешь за шваброй или на кассе.

Мой рабочий день начинается в четыре часа дня. Сглатывая тошнотворный комок в горле, я вхожу в заведение. Как же мне было приятно его посещать вне рабочего времени. Ввожу код, чтобы попасть в служебное помещение. Долго выглаживаю форму. Утюг так и норовит пропалить что-нибудь.

Мне выделили форму — две пары черных джинсов, две рубашки в клеточку, один козырек, пояс и бейдж. У меня бейдж еще желтого цвета. Это значит, что я на испытательном сроке. Среди своих нас называют цыплятами. Сегодня меня поставили в зале. Единственной серьезной проблемой является страх, что меня увидит кто-нибудь из знакомых. А я ужасно не хочу, чтобы видели, как я драю полы в “Макдональдсе”. Но я должна улыбаться, даже когда я драю полы и выкидываю мусор с подносов. Повсюду ходят менеджеры, они постоянно делают замечания, работа у них такая. Причем если один говорит одно замечание и дает одну команду, то второй все переинтерпретирует. Как правило, говорят:

— Какого хера ты не улыбаешься? — это слова Игоря, сотого менеджера.

— Ты становишься на тряпочки, — говорит запыхавшаяся Олеся.

Все просто — берешь две тряпочки и убираешь подносы, вытираешь со стола. Основное условие — никто не должен стоять. Все должны быть в движении. Если ты стоишь — значит, лентяйничает, а компания платит деньги только работающему персоналу. Потом “становишься на полы”, то есть непрерывно моешь пол, подметаешь или драишь улицу с туалетом. Для уборки в туалете надо обязательно надевать перчатки, с белыми кистями рук я становлюсь похожа на заправского хирурга, который своим красным мапом протолкнет в ваше горло любой чизбургер и чикен-мифик! Я залью в ваше горло кока-колу или спрайт со льдом! Протолкну даже куриные крылышки и щедро притрушу их соусами! Я делаю людей счастливыми! Заставлю вас улыбаться, даже если вы этого не хотите! Потому что в “Макдональдсе” все просто обязаны быть счастливыми!

Убираю в зале. Позиции меняются. С тряпочек переводят в туалеты, потом на гарбидж — выносить мешки с мусором.

— Нам не хватает людей на картошке! — подбегает Олеся. У нее из рта воняет дармовым биг-маком. — Иди на позицию и надень фартук!

“Делать нечего. Я на работе и выбирать не приходится. Вот суки!” — думаю про себя и плетусь к жаровням.

— Я сегодня буду тебя оценивать, — говорит мне очередной менеджер, на бейджике имя — Наталья. Номер у Натальи сто девятнадцатый.

— О’кей, оценивай, — бурчу ей, — да, это ничего приятного уже не предвещает.

— В журнале росписей ты не отметила, что вымыла руки тридцать минут назад. Я списываю с тебя три процента из ста.

— Наташа! Я мыла руки! — в возмущении.

Дело в том, что оценка проходит по стобальной шкале. Если у тебя отличные оценки, по сто баллов, то тебе начисляется премия, и большой процент вероятности, что тебя повысят до инструктора. А инструкторы не убирают в туалете.

— Не спорь со мной. Смотри, у тебя подгоревшая картошка попала в порцию для продажи. Тебе бы было приятно есть подгоревший продукт? Еще минус три балла.

— Наташа! — еще большее возмущение.

Она пробует мою картошку. Кривится.

— Она недосолена, не хрустит. И вообще, у тебя грязное рабочее место! Видишь капли жира кругом? Распишись, я ставлю тебе 84%.

— Спасибо, Наташа! Я очень тебе благодарна.

— Пожалуйста! И не паясничай. На брейке найди меня, будем разбирать твои ошибки. Надо улучшать показатели.

— Восемьдесят четыре процента! С такими показателями премия мне не светит! — рассуждаю я про себя.

За высокие оценки менеджеров ругают заместители директора. Поэтому они придираются даже к тому, как у тебя заколоты волосы.

На перерыве сижу за столом и ем свою картошку с биг-маком. Выкинув остатки обеда, иду искать менеджера Наташу. Улыбаюсь, потому что я — счастливый работник. Моя компания заботится о своих сотрудниках, и я буду каждый рабочий день есть дармовой сэндвич и пить кока-колу. Мы накормим всех несчастных и обездоленных, сырых и голодных гамбургерами и чизбургерами, напоим всех кока-колой или фантой. Мы улыбаемся. Мы должны улыбаться. Улыбка — наш друг и спутник во всех начинаниях.

— Морковные палочки желаете заказать?

Я улыбаюсь.

— К чаю хотите вишневый пирожок?

Я улыбаюсь. У меня болят ноги. Менеджер сто девятнадцатый, у меня под боком, оценивает меня.

— Возьмете браслет, в помощь детям?

Я улыбаюсь. Я счастлива. Я — счастливый работник сферы обслуживания.

— Вам кока-колу со льдом?

Уроды посетители! Задолбали, но я все равно улыбаюсь. Мы все тут улыбаемся.

— Ваш заказ: один биг-тейсти, один чикен-мифик, нагетсы шестерка, два сырных соуса, две больших картошки фри, две взрослых фанты со льдом и два вафельных рожка.

— Вы будете в зале кушать или возьмете с собой?

Я улыбаюсь. Сама думаю: чтоб ты, скотина, подавился. Опять улыбаюсь.

— Приятного аппетита. Ждем вас снова. Свободная касса!

Улыбаюсь и машу флажком.

Мы накормим гамами и чизами всю планету. Зальем все унитазы кока-колой. Сделаем людей счастливыми! Поднесем к виску любого дуло пистолета, если он не захочет быть счастливым. Потому что “Макдональдс” рулит! “Макдональдс” навсегда! Мы откроем бесплатные туалеты по всем городам и селам! Никто не сможет устоять перед нашим ароматом. Ароматом “Макдональдс”. Нажарим горы фри и будем раздавать ее всем детям на улице.

Картошка испортится через пять минут, потому что она годна для продажи и хрустит только первые пять минут после жарки, а потом списывается и выкидывается. Разработаем новое меню и будем кормить депутатов и космонавтов. Мы накормим биг-маками инопланетян, они будут кайфовать от сто-процентной говядины и свеженьких помидорчиков, от вафельного рожка ванильного мороженого и душистой мягкой булочки с кунжутом.

Мое лицо становится угреватым и покрывается прыщами. Я поправляюсь. Задыхаюсь, когда поднимаюсь на пятый этаж. Но все-таки — счастлива (этакий лох), потому что работаю в дружной команде, успеваю делать всё, у меня есть зарплата и социальный пакет.

Мне ставят низкие оценки. Мой рейтинг-лист составляет, в среднем, девяносто процентов. Но я уже научилась мыть полы, как принято в “Макдональдсе”, знаю, какой мак (швабра с тряпкой) для чего принадлежит. Красный наконечник — для туалетов, синий — для зала, зеленый — для внутреннего помещения, а желтый — для улицы. Я отлично мою туалеты и не менее отлично подметаю внутренний дворик на улице. Получаю свои гроши и счастлива от этого. Плюс с меня списывают кучу налогов и прочей фигни.

Ночами мне снится картофель фри. Он вырастает до размеров огромного крокодила, становится на задние лапы и гонится за мной. Поймав меня, насильно кормит картошкой, которую я сама пожарила. Заставляет обмазывать каждую картофелину кетчупом и сырным соусом, горчицей и майонезом. Меня тошнит, но мне приходится его есть, а за спиной уже стоят исполинских размеров синтетические гамбургеры и биг-маки.

Я жарю фри, всюду кипящий жир и длинные, как глисты, палочки картофеля. Корзина опускается в ванночку с кипящим жиром и жарится ровно три минуты. Через тридцать секунд пищит будильник, это значит, что нужно встряхнуть корзину. На одну корзину приходится два поворота солонки, никак не больше. Все идет по стандарту. Картошка здесь должна быть такой же хрустящей и поджаренной, как и картошка на Северном или Западном “Макдональдсе”.

В ужасе просыпаюсь. Нельзя так отдаваться работе. Даже во сне мой мозг думает о “Макдональдсе”.

Я бегаю по залу и убираю грязные подносы. Выношу мусор. Знаю, как надо работать, и знаю, за что получаю свои “кровные миллионы”. Туалет моется каждые пятнадцать минут. Выдраиваю кабинки и мою зеркала. Я ненавижу свою работу. Но все равно улыбаюсь. За свою улыбку и варикоз на ногах я получаю сущие копейки. Чаевые нам брать запрещено, потому что это считается воровством у компании, ведь компания любит своих сотрудников, она считает, что на достаточном уровне обеспечивает своих сотрудников.

Всякий раз, входя в служебное помещение, я смотрю на часы, надеясь, что время будет идти побыстрее. Только на работе оно почему-то тянется, как слизняк. Когда мне предлагают уйти домой пораньше, я непременно соглашаюсь уйти.

Вход на работу осуществляется исключительно по карточной системе, отсчет отработанных часов тоже по карточке. То бишь при входе на работу я провожу карточкой по специальной штучке, пробиваясь на перерыв, тоже отмечаюсь через компьютер. При шести часах работы мне положен час перерыва. Тридцать минут оплачивается, а тридцать минут оплачиваю я. Собираться домой я могу только после того, как выбьюсь из системы. Потом прохожу в переодевалку — длинную узкую комнату, где вечно воняет обувью и грязными опрелыми носками. Быстро собираюсь и выбегаю из “Макдональдса”. Теперь я действительно счастливый человек, потому что могу ехать к себе в общагу, попить чаю, поболтать с подругой и лечь спать. А завтра спокойно идти в универ, у меня будет выходной.